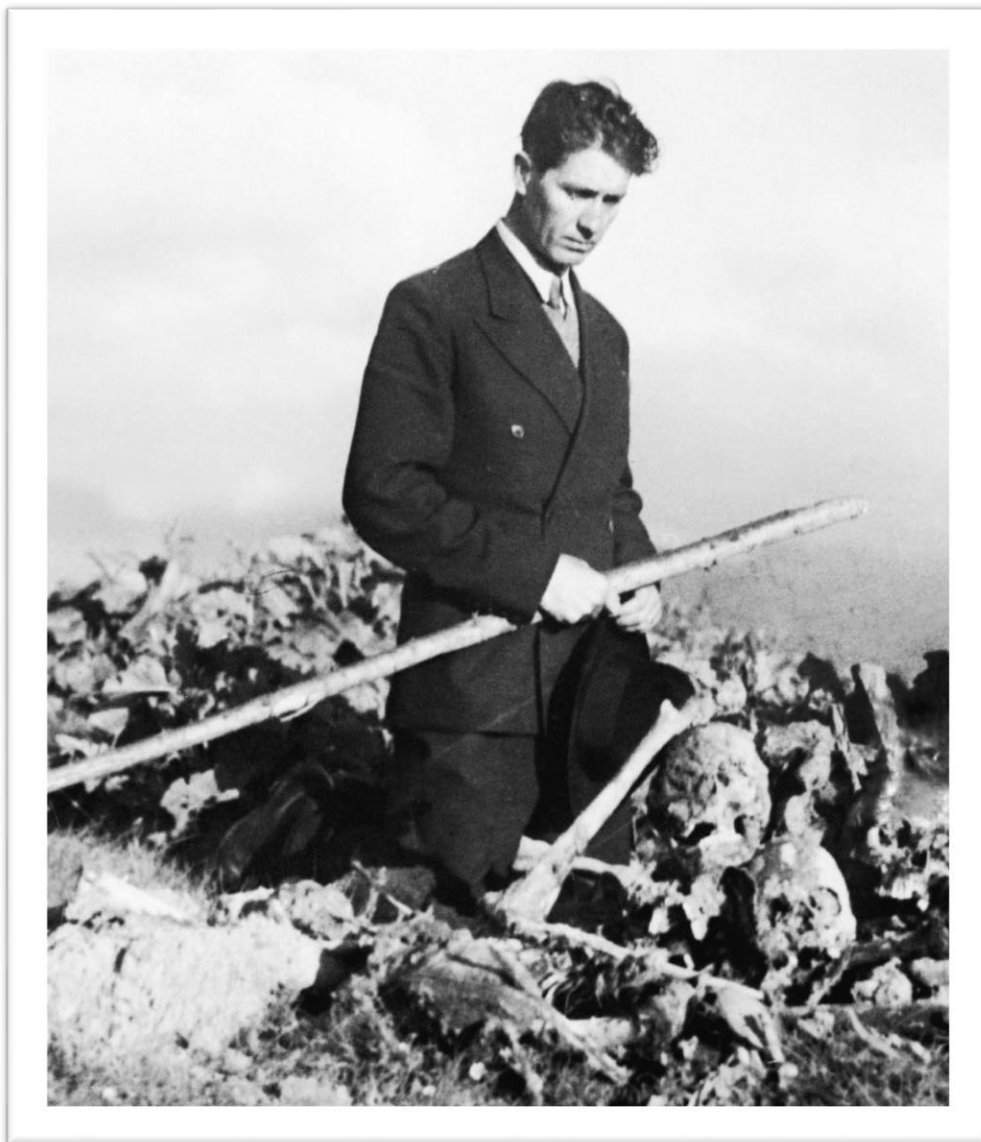

Человек и миф

Уже давно растет интерес к учредителю и руководителю Легиона Архангела Михаила (с 1930 года «Железная Гвардия», Garda de Fer). При этом сила излучения Кодряну после его смерти вышла далеко за пределы Румынии и охватила националистов во всей Европе, привлекая внимание к его жизни и деятельности. Происходит процесс – если хотите рассматривать это сравнение как напрашивающееся – подобный процессу усиления популярности Эрнесто «Че» Гевары (1928-1967), который стал идиологом левых, причем при пренебрежении к культурному контексту, в котором он действовал.

Понять и объяснить «Капитана», как благоговейно называли Кодряну его приверженцы, можно только в связи с основанной

им и при самых больших трудностях выстроенной организацией. Его жизнь принадлежала основанному 24 июня 1927 года в Яссах (Iasi) Легиону Архангела Михаила и вышедшей из него «Железной Гвардии», часто в общем смысле называемой движением легионеров, только ей он ставил задачу спасения отечества от кризиса и хаоса. Характерно, что «Железная Гвардия», как только она без его руководства все больше и больше развивалась в исключительно политическую силу, пошла по пути неудач. Хотя вознаграждением судьбы за мученическую смерть Кодряну в перелеске у шоссе Плоешти – Бухарест, как сотни раз предвещали, и стала победа движения легионеров, которое в 1940 году вместе с военными под руководством генерала Иона Антонеску (1882-1946) управляло Румынией как «национально-легионерским государством» и старалось поддерживать наследие своего вождя и следовать его принципам. Но запутавшись в игры власти, которые все больше должны были вести к пониманию организации как фактора политической власти и все меньше как силы духовного обновления, легионерское движение неизбежно должно было прийти к упадку легиона и к его почти полному уничтожению. Оно и произошло в 1941 году, когда преемник Кодряну Хория Сима (1906-1993), совершенно недооценив достигнутое разделение власти в государстве, решился на восстание против военных и затеял кровавую расправу. В течение этих дней бессмысленной братоубийственной войны наследие Кодряну, которое уже давно не ценили в полном объеме и не следовали ему как обязательству, было проиграно в банальной борьбе за власть.

Капитан уже в 1937 году пророчески предостерегал от победы «Железной Гвардии» как простого получения власти и разделения власти, видя перед своими глазами мученическую смерть многих легионеров, которую он воспринимал как железный и святой долг. Именно эта победа только лишь могла и должна была рассматриваться как главная задача для спасения народа, победа, которая должна была развиваться под теми же самыми законами, которые позволили «Железной Гвардии» вырасти, победить и, наконец, с достоинством восторжествовать. Вот что писал об этом Капитан: «Каждый раз, когда мы стояли лицом к лицу с легионерской жертвой, я говорил себе: Насколько страшно было бы, если над святой и наивысшей жертвой товарищей возвысилась бы победоносная каста, которой бы

открылись врата к жизни коммерции, ловких приемов, краж, чревоугодия и эксплуатации других. Это значило бы, что одни умирали, чтобы служить инстинктам обогащения, удобной жизни и порока других (...) Вы, которые представляете собой первые истоки этой элиты, клятвенно обязуетесь вести себя таким способом, что вы действительно будете здоровым началом великого будущего и что вы должны защищать все движение легионеров, чтобы оно не соскользнуло на ложные пути коммерции, роскоши, хорошей жизни, аморальности, удовлетворения личных амбиций или человеческой мании величия».

(12 февраля 1937)

Как следует, вне этого ясного и определенного предостережения, понимать духовное наследие и принципы Кодряну? Кодряну хотел полной власти, чтобы получить возможность революционным путем воплощать свои идеи в правильной форме. Он, тем не менее, не хотел получать власть путем ее захвата или путча против правителей любого цвета. Святая победа должна была стоять в конце пронизывающего и продолжительного роста и образовать фундамент для более высокого.

Об этом он говорил так: «Движение легионеров может победить только завершением внутреннего процесса совести нашего народа (...) Победа, которую мы ожидаем, так велика, так блистательна, что мы никогда не могли бы согласиться заменить ее на дешевую и преходящую победу, возникшую в результате заговора или государственного переворота». Он упрямо и одновременно мужественно кричал правителям, продажным государственным партиям и декадентской королевской клике, помня об этой позиции, направленной на далекую святую победу: «Теперь, через десять лет, мы можем подвести баланс всех этих махинаций, мучений, унижений и попыток уничтожения и спросить наших врагов: Чего вы достигли вашими десятилетними махинациями? Мы – один миллион! Где ваша победа? И где будет ваша победа? Так как если вы не смогли побороть даже пятерых, как вы хотите уничтожить в двести тысяч раз пятерых?» (18 июня 1937 года).

В центре всего этого стоял Omul nou, новый человек. Он должен был быть сотворен и целенаправленно взращен в рядах Гвардии, стать носителем нового сознания и вместе с тем гарантом

фундаментального преобразования общества под руководством Кодряну. Тем не менее, этот новый «героический, благородный человек» («Железная Гвардия», 1939, стр.276), борец легиона и вождь своего народа, должен был воспитываться только в рядах движения, предоставить себя, наконец, в распоряжение новой элите и видеть смысл своей жизни только в спасении народа и отечества. В одной замечательной статье о Кодряну и легионе об этом очень удачно сказано: «Кодряну преследовал долговременную стратегию: он хотел создать сначала героический тип, который должен был образовать фундамент нового общества. Это, возможно, удалось бы ему, если на его стороне были время и настоящие властители мировой политики. Практика сознательной жертвы была доведена до совершенства в 1933 году: все больше и больше молодых легионеров погибало в неравной борьбе с полностью распоясавшимися бессовестными государственными органами. Чтобы эффективнее осуществлять предвыборную пропаганду [«Железная Гвардия» была основана как политическое крыло легиона. Кодряну вступил на путь участия в выборах сначала только с самым большим сомнением, затем, однако, осознал, что только на этом пути можно обеспечить дальнейший рост и продвижение вперед движения во всей Румынии – Х.О.], была создана новая группа, подобная ордену, с высокими требованиями (не состоящие в браке, твердые в вере испытанные борцы), исполнявшая свою страстную службу – „Echipa Mortii“. Этот термин означает (подобно гладиаторам), «те, кто не боится смерти» (...) Они, Echipa Mortii, были отнюдь не террористами, в презрении к смерти они без оружия шли навстречу противнику. Они образовывали таким образом духовную элиту внутри элиты, они были примером сверхъестественного героизма».

Создание настоящей героической элиты, по форме и сущности близкой к рыцарскому ордену, это, пожалуй, одно из наибольших достижений, которое Кодряну осуществил еще при жизни. Здесь нужно также вспомнить об Ордене «Моца и Марин» (названный именем борцов Испанской войны и легионеров первого часа, Иона Моцы и Василе Марина, погибших в январе 1937 года), который был совершенно осознанно основан как первый духовный рыцарский орден новейшей истории и при столь же строгих условиях вступления был направлен на помощь ориентированному на предвыборную борьбу Echipa mortii. Мученики должны были стать путеводным и ярким примером и дали повод Кодряну обратиться с

ожесточенным боевым призывом: «Но вы, легионеры из всей этой страны прогневших политиков, знайте, что тайна вашей победы кроется в жесте этих товарищей: как и они, вы, все готовые к смерти, преодолеете махинации бесчисленных мошенников. Чем они хотят победить нас? Чем? Так как мы вплоть до последнего легионера готовы к смерти?» (8 января 1937 года)

Великий философ *Юлиус Эвола*, дважды встречавшийся и беседовавший с Кодряну в Бухаресте, был особенно поражен возрожденной идеей ордена и воздействием в ней того благородного духа, за который Эвола столь страстно выступал. В этом новом пробуждении Эвола видел возвращение к самым существенным культурным образцам индогерманства, что он с удовлетворением отметил в этом движении современности.

Так как в случае Кодряну речь шла скорее о «религиозном мистике» (Стэнли Пэйн), чем о политическом руководителе или идеологе, который преследовал «духовные и трансцендентальные конечные цели» вместо малодушных политических изменений, академически целесообразная классификация «Железной Гвардии» как фашистского движения, какой бы правильной она не представлялась с учетом присущих ей феноменов, является, однако, слишком «куцей» и в силу своей выразительности наталкивается на границы. Немецкий историк Эрнст Нольте в своем ставшем классическим произведении «Фашизм в его эпохе» [советуем обратить внимание в первую очередь на новое издание этого фундаментального труда, вышедшее в 2003 году: Ernst Nolte: Faschismus. Von Mussolini zu Hitler – Mythos und Realität: Texte, Bilder, Dokumente. Edition Antaios. Schnellroda] особенно серьезно рассматривает Кодряну, в одном из более ранних изданий о Капитане и его движении говорится так: «Однако, не только к другу, но и к противнику фашизмы показывают глубоко противоречивое отношение. Меньше всего такой человек как Кодряну несет черты противника на собственном лице. >> Мировоззрение << Гитлера, с другой стороны, это при определенных точках зрения ничто иное как отражение еврейской точки зрения, как он представлял ее себе. И Муссолини был перед Первой мировой войной

одной из самых важных личностей европейского социализма: воздействие пятнадцати марксистских лет можно обнаружить у него повсюду»

[Ernst Nolte: *Der Faschismus in seiner Epoche. Action française. Italienischer Faschismus. Nationalsozialismus*. 5. Aufl. 2000. S.50].

Однако, в интерпретации Нольте, которой совсем не было свойственно религиозное измерение, уже выражается то, что в случае румынского фашизма речь шла о чем-то сущностно ином, о феномене, не вписывающемся в академические схемы. Хотя Кодряну в политическом отношении, бесспорно, был плодом великих антимодернистских и национал-социалистических течений своего времени; он, еще будучи молодым руководителем национального студенческого движения, очень точно осознал суть первых больших политических вспышек этого течения (основание *Fasci di combattimento* Бенито Муссолини в Милане 1919 года, Марш на Рим в 1922, путч Гитлера в Мюнхене 1923, захват власти НСДАП в 1933 году) и приветствовал их, однако, следует четко придерживаться того, что Кодряну очень целеустремленно шел своим собственным путем, который как раз и не может рассматриваться как «только политический». Весьма характерно, что враги «Железной Гвардии» упрекали ее в первую очередь не за ее политику, но осуждали ее как «беспорядочное и архаичное движение». Многие с дрожью узнавали в ней антимодернистскую взрывную силу, которая была присуща этой новой духовной силе уже с самого начала. Легионерская «гетеродоксия» (= ересь, воздействие многих религиозных учений) [Стэнли Пэйн], стекание различных скорее духовно-религиозных нежели чисто политических субстратов – это, таким образом, нечто непременно новое, что только в очень малой степени можно наблюдать у других фашизмов, если оно там вообще есть (пусть даже там и были похожие, но только робкие побочные процессы, как например, основание «мистической школы фашизма» в Италии, идея Ордена СС или «Аненэрбе» («Наследия предков») СС в Германской империи).

По этому следу движутся уже многие интерпретаторы движения легионеров, как сообщается в рецензии на немецкое новое издание «Руководства для гнезд» [вышло в 2006 году в издательстве Regin]: «Стиль жизни», который создастся через «внутреннюю иерархию» в отдельном легионере, как и в самой маленькой совместной единице, «гнезде», и, наконец, во всем

народе, в случае Румынии, согласно Террачано [ср. Клаудио Террачано: Предисловие к итальянскому изданию «Руководства для гнезд». Edizioni di Ar. 1981] сформирован не менее чем пятью религиозными традициями: православным христианством, зороастризмом, римским культом Митры, шаманизмом и исламом [!].

То, что эти духовные элементы, которые в течение столетий формировали Дакию, могли дополнять друг друга и найти свой заключительный синтез, наконец, в одном отдельном человеке, может быть объяснено только в духе «интегральной традиции» и всегда будет непонятно приверженцам стерильного национального изоляционизма. Тем не менее, редкое качество «Железной Гвардии» – это пример «как бы тотальной, полной, однозначной преданности идее и вождю, который ее воплощает» [источник: eisernekrone.blogspot.com, в 2006]. Эта интерпретация подчеркивает склонность рассматривать движение легионеров сначала как духовную силу, которая явственно основывается также на дохристианском религиозном содержании и воззрениях. Если мы добавим к этому уже разъясненную орденскую идею, напоминающую о рыцарских орденах рассвета или позднего Средневековья (основание ордена рыцарей-храмовников (тамплиеров) в 1128), тогда мы видим перед собой могущественный духовно-идеальный поток, питаемый из многих возвышенных европейских источников, через формирующую и интегрирующую силу одного человека развившийся до бурной стихийной силы и ставший при этом способным срывать прочь гнилые духовные конструкции модерна.

Я не хотел бы здесь приступать к точному рассмотрению тезиса Террачано, для этого у меня отсутствуют религиозно-научные знания, да и место, которое должно занимать предисловие, не безгранично.

Однако, здесь следовало бы дополнительно и подробно рассмотреть три очень существенных учения Кодряну: его идею нации или народа, две противостоящих друг другу сферы жизни, и войну, которую он понимал как духовный вызов. О народе Кодряну в «Железной Гвардии» писал так: «Но народ стоит в рамках и на службе Богу и божественным законам» и «земля это не подлежащая продаже и неотчуждаемая собственность румынского народа (...) В седую доисторическую эпоху эта

земля родила нас [народ – Х.О.] одновременно с ее дубами и елями. К этой земле мы прикованы, не только нашим хлебом насущным и всем нашим существованием (...), но и костями предков, которые покоятся в глубинах ее. Все наши предки покоятся в ней. Все наши воспоминания, вся наша военная слава, вся наша история связаны с этой землей и коренятся в ней». («Железная Гвардия», 1939, стр.70). Народ и пространство – это для Кодряну составные части более высокого божественного порядка и творения, и тем самым вовсе не случайные продукты бесцельной истории. Народ охватывает живущих и умерших, предков. Следовательно, он как божественное объединение распространяется от мира земного в потусторонний мир, причем земля, которую народ своим существованием и своим обликом превратил в культурную область, действует также как медиум, как накопитель коллективного сознания, связанного божественным духом с живущими на ней. Только на этом фоне становится отчетливым, какой глубиной обладали идеи вождя «Железной Гвардии» и почему его борьба формировалась именно так, а не иначе.

Далее интересны высказывания Кодряну в беседах с Юлиусом Эволой (примерно в 1936 году): «Тут нужно обратить внимание на два аспекта, а именно на дуализм человеческого бытия, в его материально-натуралистической и в духовной действительности. Если господство исходит с первой стороны, то наступает ад. Всякое равновесие между обоими – это ненадежная и опасная вещь. Преимущество подобает только абсолютному господству духа над телом, так как тогда существует предпосылка для всякой подлинной силы и всякого настоящего героизма». Этот отчетливый отказ от материализма, который в своей самой бездушной форме определяет нашу современность, является столь же важным посланием Кодряну и именно сегодня он чрезвычайно актуален для правых. Конфликт с господством материи, которая подавляет человека своими товарами, но при этом морит его духовным голодом, Кодряну заметил уже в начале своей деятельности. После первых больших успехов своего движения он гордо провозгласил: «Единовластие материи пало!» («Железная Гвардия», 1939, стр.263).

Следуя этой идее, война была для него в первую очередь душевно-духовным конфликтом, происходившим перед каждым состязанием материально-вещественных сил. Об этом он писал: «Войны выигрывают те, кто умели из дуновений, из неба, заклинать таинственные силы невидимого мира и обеспечивать себе их помощь. Эти таинственные силы – это души наших предков, которые когда-то, вцепившись в нашу землю, умерли ради ее защиты, и сейчас продолжают жить в нас, их детях, внуках и правнуках. Но над душами мертвых стоит Бог». («Руководство для гнезд», 2006, стр.59)

Мы уже видели, что для Кодряну речь шла не только о распространении его философии среди как можно большего количества учеников и приверженцев, но о сотворении, согласно его идее, вместе с «Железной Гвардией» «школы, армии» нации для создания более высокого порядка, потому он ритуализировал и целенаправленно символизировал жизнь легионеров, основные черты которой он изложил в «Руководстве для гнезд» (1933) и которую он оформил как «господство ритуала». О принципиально требующейся от легионера и руководителя легиона позиции, об их стремлении в совместной борьбе с товарищами представлять и достигать цели легиона, говорится: «Предводитель легионеров – это сверхчеловек. Он победоносен в любой ситуации, как бы трудна она ни была. Он должен побеждать. Если он падает, то он поднимется и, тем не менее, победит», и «Вы [легионеры] вместе вступите на путь, даже если он может быть неверным путем. Самый плохой путь – это как раз расхождение. Если отряд легионеров попадет в ад и он, тем не менее, будет единым, то он поборет весь ад и возвратится с победой». («Руководство для гнезд», 2006, стр.44).

Легионеры носили одинаковую простую зеленую рубашку, перевязанную военным ремнем или портупеей, ордена и знаки различия не были предусмотрены, кроме очень редких исключений. Кодряну видел в этой рубашке большое значение, выходящее за рамки единства, к которому он стремился. Это было видимым выражением духовной позиции.

Решетчатый крест как знак «Железной Гвардии», символизировал жертвы, которые многие легионеры принесли в тюрьмах и были готовы приносить их всю жизнь. Тем, кто погиб как мученик, отдавали дань уважения в форме публичного ритуала «Prezent!». В нем при каждом сборе «Железной Гвардии» провозглашались имена павших, и на них отвечали громким «Здесь!». Этим пояснялось, что погибшие не были мертвы окончательно, а в своем потустороннем духовном существовании оставались в рядах «Железной Гвардии» и честно участвовали в ней: Они в другом мире были готовы к вечной службе или борьбе.

Кодряну рассматривал человеческую кровь не как материю, а как святой флюид, как духовную ценность. Только так следует понимать различные ритуалы, которые сегодня могут выглядеть странными для многих, но они образовывали очень существенную и естественную часть совместной практики в

«Железной Гвардии»: «Своей собственной кровью они [легионеры] писали свою клятву» (...) «Члены команды смерти [echipa mortii] в свою очередь каждый давали немного собственной крови в стакан, из которого потом все пили то, что объединяло их друг с другом в жизни и смерти».

[Stanley Payne: Geschichte des Faschismus. London 1995. Neudruck: München 2005, стр. 349]. Тот, кто осуждает эти ритуалы как «культ смерти» и как нечто «болезненное» [там же, стр. 344], тот слишком некритически воспринимает точку зрения модерна. Как выглядит это с такой точки зрения? Смерть изгнана из общественной жизни в отграниченные сферы, вера в земной мир лишила человека духа, опустила его на уровень животного. Человек модерна больше не производит героев, которые готовы умирать за идеи; он сам как часть общества стал чуждым общности и не может, таким образом, взять на себя какие-либо обязательства по ту сторону соображений пользы, и уж тем более те из них, которые выходят за рамки смерти и показывают человеку существование другого, потустороннего мира.

Вернемся к «Мифу Кодряну»: Благодаря его мощной притягательной силе лидеру «Железной Гвардии» удалось оставаться абсолютно неоспоримым, бесспорным вождем, в отличие от многих руководителей других движений, в «Железной Гвардии» не было оппозиции, которая ставила бы под сомнение авторитет Капитана. Это, естественно, нужно приписывать как раз превосходящей все энергии и самоотверженности этого человека. Однако, кажется, что помимо этого от Кодряну исходило еще что-то другое, что трудно точно описать словами, что-то магическое, что развивало его воздействие в пользу «Железной Гвардии» и привлекало, прежде всего, молодых людей, к которым не умели обратиться политики. Юлиус Эвола, который много путешествовал и сталкивался со многими могущественными людьми, был глубоко поражен Кодряну: «Корнелиу Кодряну поражал одним своим видом. Высокий и хорошо сложенный, он воплощал тип арийской римской расы, которая представлена также в Румынии и которая приписывает себя римской колонизации Дакии, но также и индогерманским племенам жившего там издревле местного населения. Его физиономия и его язык определенно свидетельствовали, что вы стоите рядом с человеком, которому были чужды всякая внутренняя подчиненность, всякая

нечестность и неверность и всякая измена. Это обосновывало в первую очередь его чрезвычайный авторитет. Его верные последователи чувствовали себя привязанными к нему, к его личности сильнее, чем это было обычно принято у политических соратников». Хория Сима так писал о Корнелиу Кодряну: «С первого момента встречи с Корнелиу Кодряну его физическое присутствие было наиболее выделяющимся. Никто из тех, кто был рядом с ним, не мог этого не заметить, не мог не почувствовать этого притяжения и не мог не спросить, кто этот человек. Одно его присутствие на публике возбуждало любопытство. Этот молодой человек появлялся как Бог среди смертных (...) С хорошими пропорциями, стройный и подвижный, он весь состоял только из мускулов, резонанса и стиля».

Однако как раз не мыслители и не руководящие личности «Железной Гвардии» с самого начала были привязаны к Кодряну, но его излучение достигало самого большого эффекта именно у простого народа, который сохранил в себе естественное чутье откровенности. И из-за этого воздействия мероприятия и демонстрации легиона становились для народа чем-то вроде часа посвящения: «Когда присутствовал Кодряну, он в дорогом белом традиционном крестьянском костюме приезжал верхом на белой лошади. Высокий, с внушающим видом и четкими чертами лица, он, вероятно, выглядел лучше всех среди самых видных фашистских руководителей. Это театральное появление часто оказывало на крестьянских собраниях сильное влияние, и в сельских областях количество приверженцев легиона быстро росло» [там же, стр. 350; «Железная Гвардия» смогла наряду с сельскими областями, также быстро закрепиться в университетах – Х.О.]. Упомянутый тут белый крестьянский костюм Кодряну носил с гордостью и с убеждением, он был в нем и тогда, когда его зачисляли в Берлинский университет. Он пишет: «В день зачисления я надел мой румынский национальный костюм и именно в нем явился на этот торжественный праздник, где ректор по старому обычаю пожимает руку каждому новому студенту. В моем румынском национальном костюме я в залах университета стал центром всеобщего любопытства» («Железная Гвардия», 1939, стр.55)

Кодряну избегал скучных речей и обещания политических подарков, его язык был образным и не разменивался на комментарии вокруг актуальных политических вопросов. Кодряну строго отказывался от программ и от их публичного провозглашения, и обязывал поступать так же и легионеров, занимающихся предвыборной борьбой. Вместо длинных программных речей «Кодряну создавал образы:

(...) только «новое поколение», молодые люди, которые еще не подкуплены, могли бы снова привести Румынию к ее предопределению. Тогда она будет прекрасна как «золотое солнце» [Armin Heinen: Die Legion Erzengel Michael in Rumänien. Soziale Bewegungen und politische Organisation. München 1986].

Нужно было агитировать за «Железную Гвардию», но не политическими предметными рассуждениями, которые обещали одному слою населения привилегии за счет других, а обращением к отдельному человеку как к ценной части народа: «Однако моей единственной реальностью был отдельный человек. Бедный крестьянин, который плакал в деревне, больной рабочий, оторванный от корней интеллигент». («Железная Гвардия») «Железная Гвардия»: главное произведение Кодряну. Его произведение «Железная Гвардия» (в Румынии оно вышло в 1936 году под названием *Pentru legionari* = «Моим легионерам») было задумано как первая часть тома воспоминаний. Вторая часть так и не была написана из-за мученической смерти Кодряну и кровавого подавления движения. Можно понимать это произведение как его политическую автобиографию. Даже если вождь «Железной Гвардии» прямо в предисловии к своему произведению подчеркнул, что преднамеренно не придерживался правил писателей, и называл свой труд воспоминаниями, оправданием или полемическим памфлетом, увлекающий стиль и захватывающие описания заставили следить за этим его главным произведением с самым большим вниманием. Объясняющие комментарии ограничены самым необходимым, на переднем плане стоят личные впечатления и история почти непрерывно следующих одно за другим событий, которая дает понять, какую энергию и решительность мог проявлять Кодряну в своей борьбе, достаточно часто прерывавшейся тюремным заключением (первый арест произошел в 1923 году, когда Кодряну еще возглавлял национальное студенческое движение).

Здесь нельзя не упомянуть, что посвященное легионерам произведение одновременно сообщает и о создании большой организации; снова и снова Кодряну представляет свой опыт с его проблемами и неприятностями, которые он должен был преодолевать. Тому, что этот труд вопреки всему сопротивлению самого разного вида был осуществлен и доведен до успеха, нужно отдать должное, даже независимо от позиций и идей руководителя «Железной Гвардии», как большому и выдающемуся достижению, что делает Корнелиу Зеля Кодряну одним из великих личностей двадцатого века.

Так же можно удивиться ценности этого произведения как источника о межвоенном периоде в Европе. Кодряну, который свободно говорил на немецком и французском языках, в своих рассказах о пребывании на учебе в Германии (Берлин и Йена, в 1922 году) и во Франции (Савойя в 1925 году) проявляет себя как проницательный наблюдатель политических и экономических последствий Первой мировой войны, в частности, инфляции в Германии в двадцатых годах, оценивает их и классифицирует. Не нужно слишком многого требовать от его интерпретации событий, непосредственным свидетелем которых был молодой вождь, либо относится к ним слишком критически. Ведь на интерпретацию Кодряну оказывало сильное влияние его отточенное в Румынии мировоззрение. Но эта интерпретация – свидетельство сильного антимодернистского течения в Европе межвоенного времени.

«Железная Гвардия» Кодряну – самое важное из в целом четырех произведений, которые он оставил как рукописи. О «Руководстве для гнезд» (*Caticica Sefului de Cuib*, 1933) здесь уже говорилось. Еще нужно упомянуть собрание ежедневных приказов и манифестах (*Circulari si манифесты*, 1927-1938) и «Записи в тюрьме» (*Insemnari de la Jilava*, опубликованы посмертно), которые «очень связано с потусторонним миром» [Александр фон Ранда] передают последние мысли Кодряну в тюрьме. Процитированный здесь австрийский историк Александр фон Ранда составил антологию из всех произведений Кодряну, которые были найдены в его наследии, опубликованы фон Рандой в 1979 году и непременно заслуживают упоминания [Alexander von Randa (Hg.): *Lebende Kreuze. Colectia Europa. München 1979*].

Произведение Корнелиу Кодряну и воплощение его идей – это уже давно больше не «дорога забытого», как писал Александр фон Ранда еще в конце семидесятых годов. Его жизнь, творчество, его идею все сильнее и за прошедшее время уже по всей Европе воспринимают и обсуждают правые интеллектуалы. Электронное издание «Железной Гвардии» должно содействовать этому дальнейшему развитию.

Итак, миф Кодряну жив; он может способствовать идейной связи европейских правых, которые сами подвергаются постоянному преследованию. Тем не менее, его нужно понимать как вызов и задачу, так же как это делал сам Кодряну и образно выражался: «...и железо нашей Гвардии, которое прошло через этот огонь и через воду самой подлой измены, стало сталью».

Корнелиу Зея Кодряну – **prezent!**

Хаген Острау, Германиштадт (Сибиу), июнь 2007 года

